

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

I. Смысл "пони­мающей" социологии

В поведении людей ("внешнем" и "внутреннем") обнаруживаются, как и в любом процессе, связи и регулярность. Только человеческому поведению присущи, во всяком случае полностью, такие связи и регулярность, которые могут быть понято истолкованы. Полученное посредством истолкования "понимание" поведения людей содержит специфическую, весьма различную по своей степени качественную "очевидность". Тот факт, что толкование обладает такой "очевидностью" в особенно высокой степени, сам по себе отнюдь не свидетельствует о его эмпирической значимости. Ибо одинаковое по своим внешним свойствам и по своему результату поведение может основываться на самых различных констелляциях мотивов, наиболее понятная и очевидная из которых отнюдь не всегда является определяющей. "Понимание" связи всегда надлежит – насколько это возможно – подвергать контролю с помощью обычных методов каузального сведения, прежде чем принять пусть даже самое очевидное толкование в качестве значимого "понятного объяснения". Наибольшей "очевидностью" отличается целерациональная интерпретация. Целерациональным мы называем поведение, ориентированное только на средства, (субъективно) представляющиеся адекватными для достижения (субъективно) однозначно воспринятой цели. Мы понимаем отнюдь не только целерациональное поведение, мы "понимаем" и типические процессы, основанные на аффектах, и их типические последствия для поведения людей. "Понятное" не имеет четких границ для эмпирических дисциплин. Экстаз и мистическое переживание, так же как известные типы психопатических связей или поведение маленьких детей (а также не интересующее нас в данной связи поведение животных), недоступны нашему пониманию и основанному на нем объяснению в такой мере, как другие процессы. Дело не в том, что нашему пониманию и объяснению недоступно "отклонение от нормального" как таковое. Напротив, именно постигнуть совершенно "понятное" и вместе с тем "простое", полностью соответствующее "правильному типу" (в том смысле, который будет вскоре пояснен) может быть задачей, значительно превышающей средний уровень понимания. "Не надо быть Цезарем, чтобы понимать Цезаря" – как принято говорить. В противном случае заниматься историей вообще не имело бы никакого смысла. И наоборот, существуют явления, рассматриваемые нами как "собственные", а именно "психические", совершенно будничные реакции человека, которые, однако, в своей взаимосвязи вообще не обладают качественно специфической очевидностью, свойственной "понятному". Так, например, процесс тренировки памяти и интеллекта лишь частично "доступен пониманию" – ничуть не более, чем ряд психопатических проявлений. Поэтому науки, основанные на понимании, рассматривают устанавливаемую регулярность в подобных психических процессах совершенно так же, как закономерности физической природы.

Из специфической очевидности целерационального поведения не следует, конечно, делать вывод о том, что социологическое объяснение ставит своей целью именно рациональное толкование. Принимая во внимание роль, которую в поведении человека играют "иррациональные по своей цели" аффекты и "эмоциональные состояния", и тот факт, что каждое целерационально понимающее рассмотрение постоянно наталкивается на цели, которые сами по себе уже не могут быть истолкованы как рациональные

Вебер Макс.

О НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЯХ
ПОНИМАЮЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ.

I. Смысл "понимающей"
социологии

В поведении людей
("внешнем" и "внутреннем")
обнаруживаются, как и в
любом процессе, связи и
регулярность. Только
человеческому поведению
присущи, во всяком случае
полностью, такие связи и
регулярность, которые
могут быть понятно
истолкованы. Полученное
посредством истолкования

"понимание" поведения людей содержит специфическую, весьма различную по своей степени качественную "очевидность". Тот факт, что толкование обладает такой "очевидностью" в особенно высокой степени, сам по себе отнюдь не свидетельствует о его эмпирической значимости. Ибо одинаковое по своим внешним свойствам и по своему результату поведение может основываться на самых

различных констелляциях мотивов, наиболее понятная и очевидная из которых отнюдь не всегда является определяющей. "Понимание" связи всегда надлежит – насколько это возможно – подвергать контролю с помощью обычных методов каузального сведения, прежде чем принять пусть даже самое очевидное толкование в качестве значимого "понятного объяснения". Наибольшей "очевидностью" отличается целерациональная

интерпретация.

Целерациональным мы называем поведение, ориентированное только на средства, (субъективно) представляющиеся адекватными для достижения (субъективно) однозначно воспринятой цели. Мы понимаем отнюдь не только целерациональное поведение, мы "понимаем" и типические процессы, основанные на аффектах, и их типические последствия для поведения людей. "Понятное" не имеет четких

границ для эмпирических дисциплин. Экстаз и мистическое переживание, так же как известные типы психопатических связей или поведение маленьких детей (а также не интересующее нас в данной связи поведение животных), недоступны нашему пониманию и основанному на нем объяснению в такой мере, как другие процессы. Дело не в том, что нашему пониманию и объяснению недоступно "отклонение от нормального" как таковое.

Напротив, именно постигнуть совершенно "понятное" и вместе с тем "простое", полностью соответствующее "правильному типу" (в том смысле, который будет вскоре пояснен) может быть задачей, значительно превышающей средний уровень понимания. "Не надо быть Цезарем, чтобы понимать Цезаря" – как принято говорить. В противном случае заниматься историей вообще не имело бы никакого

смысла. И наоборот, существуют явления, рассматриваемые нами как "собственные", а именно "психические", совершенно будничные реакции человека, которые, однако, в своей взаимосвязи вообще не обладают качественно специфической очевидностью, свойственной "понятному". Так, например, процесс тренировки памяти и интеллекта лишь частично "доступен пониманию" — ничуть не более, чем ряд

психопатических
проявлений. Поэтому науки,
основанные на понимании,
рассматривают
устанавливаемую
регулярность в подобных
психических процессах
совершенно так же, как
закономерности физической
природы.

Из специфической
очевидности
целерационального
поведения не следует,
конечно, делать вывод о
том, что социологическое
объяснение ставит своей

целью именно рациональное толкование. Принимая во внимание роль, которую в поведении человека играют "иррациональные по своей цели" аффекты и "эмоциональные состояния", и тот факт, что каждое целера-ционально понимающее рассмотрение постоянно наталкивается на цели, которые сами по себе уже не могут быть истолкованы как рациональные "средства" для других целей, а должны быть просто приняты как

целевые направленности, не допускающие дальнейшего рационального толкования, – даже если их возникновение как таковое может служить предметом дальнейшего "психологически" понятного объяснения, – можно было бы с таким же успехом утверждать прямо противоположное. Правда, поведение, доступное рациональному толкованию, в ходе социологического анализа понятных связей очень часто позволяет

конструировать наиболее подходящий "идеальный тип". Социология, подобно истории, дает сначала "прагматическое" истолкование, основываясь на рационально понятных связях действий. Именно так создается в политической экономике рациональная конструкция "экономического человека". Такой же метод применяется и в понимающей социологии. Ведь ее специфическим объектом мы считаем не любой вид "внутреннего

состояния" или внешнего отношения, а действие. "Действием" же (включая намеренное бездействие, или нейтральность) мы всегда называем понятное отношение к "объектам", т. е. такое, которое специфически характеризуется тем, что оно "имело" или предполагало (субъективный) смысл, независимо от степени его выраженности. Буддийское созерцание и христианская аскеза осмысленно

соотнесены с "внутренними" для действующих лиц объектами, а рациональная экономическая деятельность человека, распоряжающегося материальными благами, - с "внешними" объектами.

Специфически важным для понимающей социологии является прежде всего поведение, которое, во-первых, по субъективно предполагаемому действующим лицом смыслу соотнесено с поведением других людей, во-вторых, определено также этим его

осмысленным соотношением
и, в-третьих, может быть,
исходя из этого
(субъективно)
предполагаемого смысла,
понятно объяснено.
Субъективно осмысленно
соотнесены с внешним
миром, и в частности с
действиями других, и такие
косвенно релевантные для
поведения "эмоциональные
состояния", как "чувство
собственного достоинства",
"гордость", "зависть",
"ревность". Однако
понимающую социологию

интересуют здесь не физиологические, ранее называвшиеся "психофизическими" явления, например, изменение пульса или быстроты реакции и т.п., и не чисто психические данности, такие, как, например, сочетание напряжения с ощущением удовольствия или неудовольствия, посредством которых эти явления могут быть охарактеризованы. Социология дифференцирует

их по типам смысловой
(прежде всего внешней)
соотнесенности действия, и
поэтому целерациональность
служит ей - как мы вскоре
увидим - идеальным типом
именно для того, чтобы
оценить степень его
иррациональности. Только
если определять
(субъективно
предполагаемый) смысл этой
"соотнесенности" как
"внутренние" пласты
человеческого поведения
(такую терминологию нельзя
не считать вызывающей

сомнение), можно было бы сказать, что понимающая социология рассматривает названные явления исключительно "изнутри"; но это означало бы: не посредством перечисления их физических или психических черт.

Следовательно, различия психологических свойств в поведении не релевантны для нас сами по себе. Тождество смысловой соотнесенности не связано с наличием одинаковых "психических"

конstellаций, хотя и несомненно, что различия в одной из сторон могут быть обусловлены различиями в другой. Такая категория, как, например, "стремление к наживе", вообще не может быть отнесена к какой-либо "психологии"; ибо при двух сменяющих друг друга владельцах "одного и того же" делового предприятия "одинаковое" стремление к "рентабельности" может быть связано не только с совершенно гетерогенными "качествами характера", но

и обусловлено в процессе совершенно одинаковой реализации и в конечном результате прямо противоположными "психическими" констелляциями и чертами характера; при этом и важнейшие (для психологии), решающие "целевые направленности" могут не быть родственны друг другу. События, лишенные смысла, субъективно соотнесенного с поведением других, по одному этому еще не

безразличны с социологической точки зрения. Напротив, именно в них могут содержаться решающие условия, а следовательно, и причины, определяющие поведение. Ведь для понимающей науки человеческие действия в весьма существенной степени осмысленно соотносятся с не ведающим осмысления "внешним миром", с явлениями и процессами природы: теоретическая конструкция поведения изолированного

экономического человека, например, создана именно на этой основе. Однако значимость процессов, не обладающих субъективной "смысловой соотнесенностью", таких, например, как кривая рождаемости и смертности, формирование посредством естественного отбора антропологических типов, а также чисто психические факторы, принимается понимающей социологией просто в качестве "условий" и "следствий",

на которые ориентируются осмысленные действия, подобно тому как в экономической науке используются климатические данные или данные из области физиологии растений.

Явления наследственности не могут быть поняты на основе субъективно предполагаемого смысла – и тем меньше, чем точнее становятся естественно-научные определения их условий. Предположим, например, что когда-либо

удастся (мы сознательно не пользуемся здесь специальной терминологией) приблизительно установить связь между наличием определенных социологически релевантных качеств и импульсов, таких, например, которые способствуют либо стремлению к определенным типам социального влияния и власти, либо шансам этого достичь наличием способности к рациональной ориентации действий вообще или других отдельных

интеллектуальных качеств, с одной стороны, и индексом черепа или принадлежностью к обладающей какими-либо признаками группе людей – с другой. Тогда понимающей социологии пришлось бы, без всякого сомнения, принять во внимание эти специальные данные так же, как она принимает во внимание, например, последовательность типичических возрастных стадий или смертность людей. Однако подлинная ее

задача состояла бы именно в том, чтобы, интерпретируя, объяснить:

1. Посредством каких осмысленно соотнесенных действий (будь то с объектами внешнего или собственного внутреннего мира) люди, обладающие специфическими унаследованными качествами, пытались осуществить свое стремление, обусловленное, помимо других причин, и этими качествами; в какой степени и по какой причине

им это удавалось или не удавалось? 2. Какие понятные нам последствия подобное (обусловленное наследственностью) стремление имело для осмысленно соотнесенного поведения других людей?

IV. Общностно ориентированное действие

Об "общностно ориентированных действиях" мы будем говорить в тех случаях, когда действия индивида субъективно осмысленно соотносятся с поведением других людей.

Случайное столкновение двух велосипедистов мы не назовем общностно ориентированными действиями, но их предшествующие попытки избежать инцидента, а также возможную "потасовку" или попытку прийти к мирному "соглашению" мы уже относим к действиям упомянутого типа. Для социологического каузального сведения важны не только общностно ориентированные действия;

но это - вопрос
первостепенной важности
для "понимающей"
социологии. Важный, хотя и
не необходимый компонент
общностно ориентированных
действий составляет его
смысловая ориентация на
ожидание определенного
поведения других и в
соответствии с этим
(субъективная) оценка
шанса на успех собственных
действий. Вполне понятным
и важным основанием в
объяснении рассматриваемых
действий служит

объективное наличие таких шансов, т. е. большая или меньшая вероятность, которую можно выразить в "суждении об объективной возможности" (об этом подробнее ниже) того, что упомянутые ожидания обоснованны. Мы остаемся пока в пределах проблемы субъективного ожидания.

"Целерациональ-ные" действия в том смысле, как мы их раньше определили, всегда ориентированы на ожидание. Поэтому сначала представляется, будто нет

принципиальной разницы в том, следует ли считать, что поведение действующего лица основано на ожидании определенных явлений природы, которые могут возникнуть либо без какого-либо вмешательства с его стороны, либо в виде реакции на его рассчитанные на них действия, или подобным же образом связывать его поведение с ожиданием определенного поведения других людей. Однако в последнем случае ожидания

субъективно рационально
действующего индивида
могут основываться и на
том, что он предполагает
возможным ожидать и от
других субъективно
осмысленного поведения и
тем самым с различной
степенью вероятности
заранее исчислить,
основываясь на
определенных смысловых
связях, и шансы других
людей. Это ожидание может
быть субъективно
основанным прежде всего на
том, что действующий

индивид "приходит к соглашению" с другими лицами, "достигает договоренности" с ними, "соблюдения" которой (в соответствии с его собственным осмыслением такой договоренности) он, как ему представляется, имеет достаточное основание ждать от них. Уже одно это обстоятельство придает общностно ориентированным действиям специфическую и очень существенную качественную особенность,

поскольку тем самым
значительно расширяется
сфера ожиданий, на которую
индивид может, как он
предполагает,
целерационально
ориентировать свои
действия. Правда,
возможный (субъективно
предполагаемый) смысл
общностно ориентированных
действий не исчерпывается
ориентацией индивида на
"ожидание" определенных
действий третьих лиц. В
пограничном случае такую
ориентацию можно просто не

принимать во внимание, и действия, соотнесенные по своему смыслу с действиями третьих лиц, могут быть ориентированы на субъективно предполагаемую "ценность" содержания собственных действий как таковых (на "долг" или что бы то ни было); в этом случае действия будут ориентированы не на ожидание, а на ценность. Содержанием такого "ожидания" могут быть не только действия, но и внутреннее ощущение

(например, радость)
третьего лица. Переход от
идеального типа смысловой
соотнесенности своего
поведения с осмысленным
поведением третьего лица
вплоть до такого случая,
когда этот третий
(например, грудной
младенец) принимается во
внимание просто как
"объект", не имеет четких
границ. Действия,
ориентированные на
ожидание осмысленных
действий других людей, –
не более чем пограничный

случай. Однако "общностно ориентированные действия" для нас всегда – либо нечто известное из истории, либо теоретически сконструированное в качестве "возможных" или "вероятных" действий отдельных индивидов в соответствии с действительным или с потенциально предполагаемым поведением других людей. Об этом необходимо помнить и при разработке тех категорий понимающей социологии, о

которых пойдет речь
далее.

V. Объединение в общества
и общественно
ориентированное действие
Обобществление
ориентированными
("общественными" [в узком
смысле]) действиями мы
будем называть общностно
ориентированные действия в
том случае (и в той мере),
если они, во-первых,
осмысленно ориентированы
на ожидания, которые
основаны на определенных
установлениях, во-вторых,

если эти установления
"сформулированы" чисто
целерационально в
соответствии с ожидаемыми
в качестве следствия
действиями обобществление
ориентированных индивидов
и, в-третьих, если
смысловая ориентация
индивидов субъективно
целерациональна.
Установленный порядок в
том чисто эмпирическом
смысле, который мы имеем в
виду - здесь будет дано
лишь временное его
определение, - является

либо односторонним, в рациональном пограничном случае категорическим требованием одних людей к другим, либо, в пограничном случае, категорическим двусторонним объяснением людей, субъективно предполагаемое содержание которого сводится к тому, что предполагаются и ожидаются действия определенного типа. Более подробно мы пока на этом останавливаться не будем. Тот факт, что

действия "ориентируются"
по своему субъективному
смыслу на установленный
порядок, может означать,
что субъективно
воспринятому
обобществление
ориентированными
индивидами типу действий
объективно соответствует
их фактическое поведение.
Смысл установленного
порядка, а следовательно,
и свое предполагаемое и
ожидаемое другими
поведение могут быть,
однако, различно поняты

или впоследствии различно
истолкованы отдельными
обобществленными
индивидами, поэтому
поведение, которое
субъективно ориентировано
соответственно
существующему порядку
(субъективно
идентифицированному
действующими лицами с
собой), не обязательно
должно быть в одинаковых
случаях объективно одним и
тем же. Далее,
"ориентация" поведения на
установленный порядок

может заключаться и в том,
что какой-либо из
обобществленных индивидов
сознательно
противодействует
субъективно постигнутому
им смыслу установленного
порядка. Если один из
участников игры в карты
сознательно и
преднамеренно играет
наперекор субъективно
воспринятому им смыслу
правил игры, т. е. играет
"неправильно", он тем не
менее остается
"участником" общества

игроков в отличие от того, кто выходит из игры совершенно так же, как вор или убийца, скрывая совершенное им преступление или скрываясь сам, все-таки ориентирует свое поведение на те установления, которые он субъективно сознательно нарушает. Следовательно, решающим для эмпирической "значимости" целерационально функционирующего порядка является не то обстоятельство, что

отдельные индивиды
постоянно ориентируют свое
поведение соответственно
субъективно истолкованному
ими смысловому содержанию.
Эта значимость может
сводиться к тому, что в
одном случае,
действительно,
(субъективно) отдельные
индивиды, подобно шулерам
и ворам, в среднем
ожидают, что другие
индивиды данного общества
будут в среднем вести себя
так, "будто" первые
руководствуются в своем

поведении сохранением
установленного порядка; в
другом – что в
соответствии с усреднение
применяемым суждением о
шансах, присущих поведению
людей, они объективно
могут рассчитывать на
подобные ожидания (особая
форма категории
"адекватной причинной
обусловленности") .

Логически две указанные
разновидности значимости
следует строго различать.
Первая субъективно присуща
действующему индивиду,

являющему собой объект наблюдения, т. е. принимается исследователем как "в среднем" имеющаяся данность; вторая - это шанс, который должен быть объективно исчислен познающим субъектом (исследователем), исходя из наличия вероятностного знания и из обычного типа мышления индивидов данного общества. При образовании общих понятий социологи предполагают, что и действующему индивиду субъективно присуща

средняя мера "способности" понимания, необходимого для оценки имеющихся шансов. Это означает, что социолог раз и навсегда принимает идеально-типическую предпосылку, что объективно существующие усредненные шансы в среднем субъективно приближенно принимаются во внимание и целерационально действующими индивидами. Следовательно, и для нас эмпирическая "значимость" установленного порядка

заклучается в объективной обоснованности усредненных ожиданий (категория "объективной возможности"). В более специальной формулировке можно сказать, что в соответствии с состоянием усредненно вероятностного исчисления фактических данных действия, в среднем субъективно ориентированные на такие ожидания, считаются "адекватно причинно обусловленными". При этом допускающие объективную

оценку шансы возможных ожиданий выступают как достаточно понятная познавательная основа для вероятного наличия упомянутых ожиданий у действующих индивидов. То и другое почти неизбежно совпадает здесь по своему выражению, что не должно стирать громадного логического различия между ними. Лишь в первом смысле – в объективном суждении о возможности – предполагается, конечно, что шансы возможных в

среднем ожиданий могут по
своему смыслу служить
основой субъективным
ожиданиям действующих лиц
"и поэтому" действительно
(в релевантной степени)
служили им таковой. Тем
самым из сказанного уже
становится ясно, что между
логически как будто
взаимоисключающими
сторонами альтернативы -
существования объединения
в общество или прекращения
его - в реальности дана
беспрерывная шкала
переходов. Как только все

игроки • в карты "узнают",
что принятых правил игры
вообще больше никто не
придерживается, или как
только окажется, что
объективно шанса,
принимаемого обычно в
расчет, не существует, и
поэтому и субъективно не
принимается больше в
расчет шанс на то, что
убийца, например, будет
интересоваться
установленным порядком,
который он сознательно
нарушает, именно потому,
что подобное нарушение не

влечет за собой никаких последствий для него, – в таких случаях этот установленный порядок эмпирически больше не существует, а, следовательно, не существует и соответствующего объединения в общество. Оно сохраняется до той поры и в той степени, пока в практически релевантном масштабе так или иначе сохраняется в усредненно предполагаемом смысле ориентированное на его

установления поведение.
Границы здесь, однако,
размыты.

Из сказанного явствует
также, что реальное
поведение индивида вполне
может быть субъективно
осмысленно ориентировано
на несколько систем
установлении, которые по
принятому в них
конвенциональному мышлению
в смысловом отношении
"противоречат" друг другу,
однако тем не менее
параллельно сохраняют свою
эмпирическую "значимость".

Так, например, согласно господствующим (в среднем) воззрениям на "смысл" нашего законодательства, дуэли категорически запрещены. Между тем в соответствии с широко распространенными представлениями о "смысле" считающихся в обществе значимыми условностей дуэль часто бывает неизбежна. Участвуя в дуэли, индивид ориентирует свое поведение на эти конвенциональные предписания; однако,

скрывая свои действия, он ориентируется на требования закона. Следовательно, практическое воздействие эмпирической (т. е. здесь и всегда: в среднем ожидаемой для субъективно осмысленной ориентации поведения) значимости обеих систем установлений в этом случае различно. Между тем обеим системам мы приписываем эмпирическую "значимость", которая состоит в том, что поведение осмысленно

ориентируется на их
(субъективно постигнутый)
смысл и испытывает его
влияние. Естественным
выражением эмпирической
"значимости" системы мы
будем считать шанс на то,
что ее установлениям
"будут следовать". Это
значит, что объединенные в
общества индивиды в
среднем с достаточной
долей вероятности
рассчитывают на
"соответствующее" (в
среднем) "требованиям"
установленного порядка

поведение других, и сами в среднем также подчиняют свое поведение таким же их ожиданиям

("соответствующее установленному порядку общественное поведение"). Однако необходимо подчеркнуть следующее: эмпирическая "значимость" системы не исчерпывается усредненной обоснованностью "ожиданий" одними индивидами, объединенными в общества, определенного фактического поведения других людей.

Это лишь наиболее рациональное и социологически непосредственно доступное значение. Но поведение каждого из индивидов данной системы, ориентированное исключительно на то, что другие "ждут" от него соответствующего поведения, составило бы абсолютный пограничный случай чисто "общностно ориентированных действий" и свидетельствовало бы также об абсолютной

лабильности самих этих ожиданий. Последние тем больше "обоснованы" усредненной вероятностью, чем больше можно в среднем рассчитывать на то, что индивиды ориентируют свои действия не только на "ожидания" от других определенного поведения, и в чем более релевантной степени распространено среди них субъективное воззрение, что для них "обязательна" (субъективно осмысленно, постигнутая)

"легальность" отношения к системе.

Действия вора и шулера мы будем определять как (субъективно)

"противоречащие установленному порядку" общественные действия, а действия, по своей интенции субъективно ориентированные на этот порядок, но отклоняющиеся от усредненного истолкования его правил, — как общественные действия, "отклоняющиеся от нормативных". За пределами

этих категорий находятся только случаи "обусловленных обобществлением действий". Например, кто-либо полагает, что он вынужден в своем поведении целерационально исходить из обязанности, которую он взял на себя вследствие факта включенности в общество (отказаться, например, от каких-либо действий из-за обусловливаемых ими дальнейших расходов). Или может (например, в своих

"дружеских связей" или в общем "стиле жизни"), не желая целерационально и не замечая этого, подчас испытывать в известных аспектах своего поведения влияние своей ориентации на какие-либо согласованно принятые установления (например, религиозной секты). Провести четкие грани этих различий в реальности трудно. В принципе вообще нет различия в том, проходят ли общественные действия в рамках смысловых отношений

общественно
ориентированных индивидов
друг с другом или с
третьими лицами; именно
последний тип отношений
может преимущественно
составлять предполагаемый
смысл объединения,
образовавшегося на основе
взаимного согласия.
Напротив, действия,
ориентированные на
установленный порядок
объединения в общество,
могут быть как
"соотнесенными с
обществом", т.е.

проистекающими из
непосредственного занятия
определенной позиции к
установленному порядку
(как всегда, субъективно
по своему смыслу
истолкованному) данного
объединения в общество, -
следовательно,
направленными по своему
предполагаемому смыслу
либо на планомерное полное
осуществление эмпирической
значимости этих
установлений, либо,
наоборот, на их изменение
или дополнения к ним, -

так и действиями,
"регулируемыми обществом",
т. е. ориентированными на
установления общества, но
не "соотнесенными с
обществом", как в первом
случае. Однако и это
различие лабильно.
На данной стадии мы будем
считать рациональным
идеальным типом
объединения в общество
"целевой союз", т. е.
общественные действия с
установлениями о
содержании и средствах
общественных действий,

целерационально принятыми всеми участниками на основе общего согласия. В согласии об установленном порядке (его "формулировке") в идеально-типическом рациональном случае все обобществленно действующие лица субъективно однозначно выговорили условия: какие и в каких формах осуществляемые действия каких (или каким образом определяемых) лиц ("органов союза") должны считаться действиями союза

и какой "смысл", т. е. какие последствия, это будет иметь для объединенных в союзе лиц. Далее, будут ли-и какие - материальные блага и достижения доступны использованию в общих целях ("цели союза") общественной деятельности ("имущество для достижения определенных целей"). Затем, какие органы союза будут этим распоряжаться и каким образом; что участники должны делать во имя целей союза; какие

действия "требуются",
"запрещаются" или
"разрешаются" и какие
преимущества они получат
от своего участия в
деятельности союза. И
наконец, какими будут
органы союза, при каких
условиях и с помощью каких
средств им надлежит
действовать для сохранения
установленного порядка
("аппарат принуждения").
Каждый индивид,
участвующий в общественных
действиях, в известной
степени полагается на то,

что другие участники союза (приблизенно и в среднем) будут участвовать в соответствии с установленным соглашением, и исходит из этого при рациональной ориентации собственного поведения. Основания, которые отдельный индивид, как он полагает, имеет для такой уверенности, безразличны для эмпирического существования союза, если объективно существует возможность того, что результаты любых, каких бы

то ни было по своему характеру интересов других, будут склонять их к тому, чтобы в среднем достаточно решительно поддерживать установленный порядок. Конечно, вероятность физического или (пусть даже столь мягкого, как, например, христианское "братское" увещевание) психического принуждения в случае несоблюдения установлении союза значительно усиливает субъективную уверенность в том, что (в

среднем) доверие не будет обмануто, а также и объективную вероятность того, что упомянутые ожидания обоснованны. Действия, которые по своему субъективно усреднение предполагаемому смыслу свидетельствуют о наличии "соглашения", мы назовем, в отличие от "общественных действий", ориентированных на это соглашение, действиями, объединяющими в общество. Внутри ориентированных на соглашение действий

важнейшим видом
"соотнесенных с обществом"
общественных действий
являются, с одной стороны,
специфические общественные
действия "органов", с
другой – общественные
действия индивидов,
объединенных в общество,
которые по своему смыслу
соотнесены с действиями
органов. Внутри категории
обобществления,
относящейся к "институтам"
– мы ее рассмотрим ниже (в
частности, внутри
"государства"), – обычно

разделяют установления, которые созданы для ориентации этих действий – право института (в государстве – "публичное право"), и установления, регулирующие прочие действия индивидов данного института. Такое разделение существует и внутри целевого союза ("право союза" противостоит здесь установлениям, созданным союзом). Однако мы не будем здесь заниматься указанными

противоположностями (не допускающими четкого определения) .

При полном развитии целевой союз являет собой не эфемерное, а длительно существующее "социальное образование". Это означает: несмотря на смену лиц, участвующих в общественных действиях союза, т. е. несмотря на то, что они выбывают из его состава, и одновременно в него все время входят новые лица, конечно, в идеально-

типическом пограничном случае – всегда на основе новых соглашений, он рассматривается как остающийся идентичным. Это происходит до тех пор, пока, несмотря на смену состава, можно действительно ожидать, что действия, ориентированные на "одинаковые" установления союза, сохранятся в социологически релевантном размере. "Одинаковым" же в социологическом смысле (субъективно постигнутым)

порядок считается до той
поры, пока по усредненному
обычному мышлению
обобществленно
объединенных индивидов
принимается его
идентичность в важных по
усредненным представлениям
пунктах. Они могут
принимать его более или
менее однозначно, более
или менее приближенно:
"одинаковость" в
социологическом понимании
— лишь относительная и
меняющаяся данность.
Обобществление

объединенные в союзе
индивиды могут сознательно
менять установленный
порядок посредством новых
общественно объединяющих
действий; эти установления
без какой-либо перемены в
упомянутых действиях могут
меняться сами по своему
практическому значению для
действий индивидов
вследствие изменения
распространяющегося
усредненного. постижения
их "смысла" или в
особенности вследствие
изменения обстоятельств

("изменение значения",
неточно именуемое также
изменением цели), а иногда
и вообще потерять свое
значение. В подобных
случаях тот факт, будет ли
социолог из соображений
целесообразности
рассматривать изменившиеся
общественные действия как
"продолжение" прежнего или
как "новое" социальное
образование, зависит от
следующих факторов: 1) от
непрерывности изменений;
2) от относительного
объема эмпирически

сохраняющихся прежних
установлении в виде
соответственно
ориентированных действий;
3) от продолжавшегося
существования органов
союза и аппарата
принуждения либо в прежнем
составе, либо в близком
ему по типу вновь
введенных лиц, либо - если
это новые органы - от
того, действуют ли они
аналогично прежним. Вновь
следует заметить, что и
здесь переходы носят
скользящий характер. В

такой же степени является вопросом, который в каждом отдельном случае решается по-разному (т. е. исходя из целесообразности, определяемой конкретной исследовательской целью), в каких случаях объединение в общество рассматривается как "самостоятельное" образование и в каких случаях его рассматривают как часть более широкого, выходящего за свои границы обобществления. Последнее возможно в двух случаях.

1. Если эмпирически "значимые" установления общественных действий не коренятся исключительно в установлениях, сформулированных участниками этих действий (автономные системы), но общественные действия обусловлены также и тем, что участвующие в них индивиды ориентируют свои действия (здесь, как и всегда: обычно) также и на установления другого общественного объединения, в котором они участвуют

(гетерономные системы) .
Примером могут служить
действия церкви
применительно к
установлениям политической
власти или наоборот. 2.
Если органы какого-либо
общественного объединения,
в свою очередь, также
определенным образом
обобществлены в рамках
обобществляющих органов
другого союза большего
масштаба; таковы,
например, органы "полка" в
общем аппарате "военного
управления"

(гетерокефальный целевой союз в отличие от "автокефального, типа свободного союза или самостоятельного государства"). Гетерономия установлении и гетерокефалия органов управления часто, но не обязательно совпадают. В настоящее время общественные действия в автокефальном союзе обычно обусловлены также и ориентацией действий членов этого союза на установления политического

союза, следовательно, оно гетерономно.

Социалистическое "обобществление" средств производства означало бы, что уже сегодня в значительной степени гетерономное, т. е. ориентированное на установления других, прежде всего, политических союзов, общественное поведение каждого отдельного, теперь в принципе автокефального "предприятия" стало бы гетерокефальным, т. е.

ориентированным на органы
какой-либо (любой)

"совокупности".

Не каждое общественное
объединение по соглашению
ведет к возникновению
целевого союза, для
которого в соответствии с
данной дефиницией должны
быть конститутивны: 1)
соглашение по поводу общих
правил и 2) наличие
общественных органов
союза. Объединение в
общество ("обобществление
по случаю") может быть по
своему назначению и

совершенно эфемерным;
например, если речь идет о
совместно задуманном
убийстве из мести, которое
участники договоренности
предполагают осуществить в
ближайшее время;
следовательно, в нем могут
отсутствовать все
упомянутые характеристики
целевого союза, кроме
рационально установленного
по совместной
договоренности "порядка"
общественных действий,
который по принятой
дефиниции считается здесь

конститутивным. Хорошим примером последовательности ступеней от объединения в общество по случаю до целевого союза может служить промышленное картелирование, которое начинается с простой однократной договоренности между отдельными конкурентами о границах снижения цен и завершается "синдикатом", обладающим большим капиталом, конторами сбыта товаров и развернутым аппаратом

управления. Общим для всех них является лишь установленный по общему соглашению порядок, который при предполагаемой здесь идеально-типически точной формулировке всех пунктов должен, во всяком случае, содержать указание на то, что считается для участников договора обязательным, что запрещается и что дозволяется. При изолированном (мыслимом в условиях полного абстрагирования от какого

бы то ни было
"правопорядка") обмене,
например, в идеально-
типическом случае полной
ясности договоренность
должна распространяться по
крайней мере на следующие
пункты: 1) обязательно:
передача товаров в
процессе обмена и -
эвентуально - обязанность
гарантировать право
владения на товары от
посягательств третьих лиц;
2) запрещено: требовать
возврата обмененных
товаров; 3) разрешено:

любым образом располагать приобретенными в обмен товарами. Изолированный рациональный "обмен" такого типа являет собой один из пограничных случаев обобществления без "органов управления". Из всех признаков целевого союза он обладает только одним - установленным по договоренности порядком. Он может быть структурирован гетерономно (правом или условностью) или располагать полной автономией, будучи

обусловлен в своих
"ожиданиях" обоюдным
доверием, основанным для
обеих сторон на том, что
другая сторона, какими бы
интересами она ни
руководствовалась, будет
следовать договоренности.
Однако обмен этого типа не
может быть назван ни
автокефальным, ни
гетерокефальным
общественным действием,
так как он вообще не есть
устойчивое "образование".
В такой же степени и
наличие актов обмена в

качестве массового явления, даже в качестве внутренне каузально связанных массовых явлений ("рынка"), конечно, ни в коем случае не может рассматриваться как целевой союз, более того, он, в принципе отличен от него. Случай с обменом одновременно наглядно иллюстрирует тот факт, что действия, которые ведут к объединению в общества (обобществленные действия), совсем не обязательно должны быть

ориентированы только на ожидания соответствующих действий со стороны общественно объединенных лиц. Напротив, как показывает данный пример, они ориентированы также и на ожидание того, что третьи, не причастные к акту обмена лица, "отнесутся с уважением" к результату обмена, к "смене владельца". До сих пор это просто "общностные действия" того типа, который мы впоследствии будем называть

"действиями, основанными на согласии".

В истории мы обнаруживаем шкалу, ступени которой ведут от "объединения в общество по случаю" вплоть до устойчивого "образования". Типовой зародыш того обобщественного объединения, которое мы сегодня называем "государством", находится, с одной стороны, в свободных "объединениях в общество по случаю", созданных любителями

добычи, отправлявшимися в поход во главе с избранными ими вождями; с другой - в таких "объединениях в общество по случаю", к которым прибегали те, кому грозило нападение. Здесь полностью отсутствует какое-либо имущество, используемое как средство осуществления цели, и длительность. Как только поход за добычей завершен (удачно или неудачно) и добыча распределена, как только опасность нападения предотвращена -

объединенность в общество
перестает существовать.
Отсюда до длительного
обобществления
военнообязанных,
систематического
налогообложения женщин,
тех, кто не состоит на
военном учете, покоренных
народов, и далее - до
узурпирования судебных и
административных
общественных функций -
длинный непрерывный путь.
Наоборот, из существующих
для удовлетворения
потребностей длительных

общественных объединений
может в результате распада
– и это один из различных
сопутствующих
возникновению "народного
хозяйства" процессов –
сложиться аморфное,
представляющее собой
общественно объединяющие
действия образование –
"рынок".

"Психическое" отношение к
такому акту его
участников, т. е. вопрос,
какими глубокими
"внутренними побуждениями"
они руководствуются,

объединяясь и ориентируя свои действия на принятые установления, – поступают ли они таким образом, исходя из трезвых соображений целесообразности, из горячей приверженности совместно принятым или предполагаемым общим целям, или неохотно принимая их как неизбежное зло, как нечто соответствующее их привычному поведению, или почему-либо еще, – все это для существования

обобществленного
объединения безразлично до
той поры, пока в конечном
итоге шансы на такую
ориентацию на
договоренность сохраняются
в социологически
релевантном размере. В
своих обобществленных
действиях их участники
могут ведь преследовать
совершенно различные,
противоположные и
взаимоисключающие цели, и
очень часто так оно
действительно и бывает.
Международный военно-

правовой союз, правовая
обобщественность для
общностных действий на
рынке с его процессом
обмена и борьбой цен -
лишь особенно яркие
примеры этого постоянно
встречающегося положения
дел. Общественные действия
всегда, разумеется,
являются выражением
конstellляции интересов,
направленной на ориентацию
поведения, своего и
чужого, на его правила, и
ни на что более, и поэтому
конstellляцией интересов,

весьма различной для каждого из участников. В самой общей форме содержание указанной констелляции интересов можно чисто формально определить так, как это уже многократно определялось, а именно следующим образом: отдельный индивид полагает, что он может рассчитывать на совместно принятый посредством обобществленного объединения характер действий другого или

других и что в его интересах полностью ориентировать на это свои действия.

Вебер М. О НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЯХ ПОНИМАЮЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ//Западно-европейская социология XIX-начала XX веков. - М., 1996. - С.491-507.